

Галина Вишнякова родилась в Южно-Казахстанской области. Закончила Казахский государственный университет им. Кирова. Работала в сфере молодёжной политики, в Детском фонде Казахстана, Министерстве информации и общественного согласия, Министерстве науки и образования, в компании «Разведка Добыча «КазМунайГаз»». Изданы три сборника стихов и рассказов: «Белая ворона» (2003), «Есть тайна у меня» (2009) и «Гипнотизёрша» (2020). Публиковалась в казахстанском журнале «Простор», российских журналах «Москва», «День и ночь», «Семья и школа» и других.

Галина ВИШНЯКОВА

ЗА ЭТО НЕ ВРУЧАЛИ НАГРАД...

Кто сохранит одну жизнь, это всё равно как если бы он спас весь мир...

Эрих Фромм. Искусство любить

Шёл ноябрь тысяча девятьсот сорок первого года. На железнодорожной станции Аксу в Акмолинской области пожилая стрелочница, в соответствии с рабочей инструкцией, очистила рельсы от снега и перевела стрелку, чтоб задержать на запасном пути длинный товарняк. Затем дала «зелёный свет» скорому военному составу с крытым серым брезентом грузом на платформах, а следом уже отправила «не срочный» товарный состав.

Она хорошо знала, что через станцию один за другим следуют в эвакуацию сотни тысяч людей: военные госпитали с ранеными солдатами, детские дома с ребятишками из прифронтовой полосы, оборудование военных заводов со специалистами военного дела и даже киностудия с представителями творческой элиты страны. В обратную сторону следовали поезда с боеприпасами, продуктами питания, посылками с тёплыми вещами для фронтовиков, а в теплушках направлялись на фронт солдаты – казахстанцы.

В специальную графу журнала проследовавших поездов дежурные стрелочники вносили информацию о составах с вагонами для скота. Стрелочница хорошо понимала, что в холодных, молчаливо-тревожных вагонах, предназначенных для перевозки скота, едут семьи депортированных народов: немцы, поляки, чеченцы...

До прибытия следующего состава осталось тридцать пять минут – можно добежать до будки и немного согреться. Вдруг за спиной раздался странный писк. «Щенок?» Женщина оглянулась и обмерла: по заснеженным шпалам вслед удаляющемуся поезду, съёжившись от холода, шёл рыженький мальчик лет пяти, без шапки, в коротких штанишках, длинном мужском пиджаке и сандаликах на босу ногу. Он скулил как потерявшийся кутёнок. Ужас

вмёрз в его большие голубые глаза. Стрелочница стянула с головы пуховую шаль, накрыла им продрогшего ребёнка, и бегом в будку! Согрев у «буржуйки» шершавые мозолистые ладони, старательно растёрла худенькое, давно немытое тело ребёнка, достала из кармана фуфайки кусок чёрного хлеба и разломилась пополам. Но поймав голодный взгляд найдёныша, покрошила весь ломоть в алюминиевую кружку, до краёв залила горячей водой из закопчённого чайника и стала ложкой кормить заморыша. Он глотал не прожёвывая.

– Не торопись, балам, не торопись!

Ребёнок поел и, свернувшись калачиком на топчане, тут же затих под пуховым платком.

Женщина то и дело выходила с «зелёным» фонарём, встречая и провожая поезда, затем химическим карандашом делала записи в толстом журнале и подбрасывала дровишки в буржуйку. Смена закончилась, надо заполнить сводку и бежать к начальнику станции с докладом. Но... как правильно отразить в документах найдёныша? Родители наверняка уже подняли переполох по пути следования. Шутка ли, ребёнок отстал от поезда! Она подняла край пуховой шали и ахнула – мальчик полыхал жаром! Час от часу не легче! Пришёл пожилой сменщик, помог «запеленать» ребёнка в шаль, и она, подгоняемая позёмкой, побежала к вокзалу.

Мальчонку накрыли лёгким лоскутным одеялом, уложили на тёплую русскую печь, которая занимала половину кабинета начальника станции. Мальчик даже глаз не открыл, дышал часто и тяжело... Начальник станции Газиз – молодой лейтенант, мобилизованный из-за тяжёлой контузии и ранения в левое плечо, только-только вживался в новую должность. Широкие чёрные брови придавали его молодому лицу холодную суровость, но стоило взглянуть ему в глаза, и сразу становилось понятно, какая глубокая и светлая душа скрывалась за внешней строгостью. Его мучили невыносимые головные боли, а левая рука болталась плетью вдоль тела, ныла и постоянно мёрзла. Жена сделала ему повязку – «качелю» на шею, но он забывал заправлять в неё непослушную конечность.

Газиз поручил стрелочнице по дороге домой заскочить в медпункт к фельдшернице, чтобы та прибежала и посмотрела малыша. Да поскорее! Затем он передал по телефону сводку о проследовавших поездах за сутки, морщась от боли в затылке, стал составлять докладную о ребёнке, отставшем от «немецкого» поезда. Подумал, подумал и продиктовал телефонограмму в компетентные органы. Уж там-то быстро разыщут его родителей!

Найдёныш застонал. Начальник дал ему воды, тот пил жадно, захлёбываясь. Смочил полотенце и положил на горячий лоб малыша. Прислонил ухо к худенькой грудке, пытаясь расслышать хрипы, но услышал только тревожный стук маленького сердца. Представил на его месте своего сынишку – первенца и его голова предательски затряслась.

Пожилой доктор при выписке из военного госпиталя дал младшему лейтенанту Газизу рекомендацию: «Исключить всяческие волнения!» От хронического недосыпания и бесконечных операций под звуки бомбёжек старик, наверное, забыл, что даже в обычной жизни без волнений не обойтись, а тут такая страшная беда – война...

Примчалась фельдшерница Асем – в новой запорошённой снегом фуфайке защитного цвета. Румянец во всю щеку, через плечо – брезентовая сумка с красным крестом. Измерила температуру, деревянной трубочкой, похожей на детскую дудочку, послушала лёгкие, сокрушительно покачала головой и сделала укол. Ребёнок жалобно застонал.

– Газиз-ага, вот таблетки! Давайте строго через каждые три часа! И тёплое обильное питье! – Девушка торопливо повязывала концы шали крест-накрест поверх фуфайки: – Пневмонию трудно лечить, а у меня каждая таблетка в подотчёте!

Военное время сказалось на всём. Норма медицинских препаратов на месяц была мизерной. На тысячу жителей пяти аулов в фельдшерской сумке было три дозы антибактериального препарата, тридцать таблеток, по одному флакончику йода и нашатыря, упаковка ваты да два бинта... Вот и всё богатство!

– Хорошо бы найдёныша сейчас курдючным жиром растереть, горячим бараньим бульоном напоить. Только где же всё это теперь взять? У мальчика ещё и педикулёз... Но об этой проблеме будем потом думать, когда с простудой справимся! А сейчас я должна бежать на роды к Кульжамал-тате, она уже в схватках, шестого ребёнка ждёт! Дядя Сапар, её муж, когда на войну ушёл, наказал, чтоб она дочку ему подарила и имя русское ей дала – Победа! Ну, я побежала! Как освобожусь – сразу к вам!

Газиз одной рукой с трудом застегнул пуговицы на шинели и вышел на улицу. Ледяной ветер со снегом пробирал до костей. На столбе, под ржавой металлической тарелкой в проблеске снежинок металась тусклая лампочка. По народной примете: «метель в ноябре – быть суровой зимой!» Заслоня здоровой рукой глаза от колкого снега, он отправился на контрольный обход участка. Да, ветру в казахской степи есть где разгуляться! Во все четыре стороны света, на тысячу километров – широкий, неоглядный, как океан, простор с холмами и впадинами, маленькими речушками и редким кустарником. Летом здесь раздолье для отар овец и табунов лошадей. Молодая трава и неяркие цветы пёстрым ковром простираются до самого горизонта. Тёплые ветры, веселящие душу кочевника запахом полыни, волнуют, манят, зовут в степное раздолье, за горизонт! А те, кто видел весеннюю степь, полыхающую алым пламенем маков, поймёт, что такое пьянящая красота и свобода, и навсегда подарит Великой Матери Степи своё сердце! Зато зимой не дай бог не то что случайному путнику, а даже самому опытному пастуху в этих просторах оказаться застигнутым бураном. Верная гибель! Говорят, что зима в степном раздолье радует только охранников многочисленных исправительных лагерей, где отбывают свой срок враги народа да жёны изменников Родины. Зимой там побегов никогда не бывает!

Вдалеке, как большая зелёная звезда, маячил фонарь стрелочника. Мимо Газиза тяжело прогрохотал военный состав. Фашист уже у стен Москвы. Народ, все как один, поднялся на борьбу с врагом. В прошлом месяце, по решению обкома партии, жители станции Аксу собирали средства на самолёт – подарок фронту, в этом месяце – на танк. Женщины снимали с себя обручальные кольца и отдавали в общую копилку Победы. Каждая семья сдала государству «излишки» продуктовых запасов. Семья Газиза тоже не осталась в стороне, сдала лошадь и тёлку-однолетку, а ещё целый стог сена. Супруга, как и все женщины, готовила посылку на фронт с тёплыми носками и варежками. А как же хочется проснуться утром в «мирной жизни!» Опять баловать сынишку, любить жену, радоваться молодости, простым, обычным вещам, о которых до войны даже и не задумывался всерьёз, воспринимал как должное, как само собой разумеющееся. «Ладно, – остановил себя начальник станции. – Вот разобьём Гитлера, тогда и заживём полюдски! А сейчас расслабляться никак нельзя. Всё для фронта! Всё для Победы!»

На заре опять прибежала быстроногая фельдшерница:

– Газиз-ага! Хорошая новость! У дяди Сапара родился шестой мальчик! Назвали Женис – Победа значит! А это... – она достала из брезентовой сумки маленькую стеклянную баночку, – топлёный курдючный жир! Роженица передала для найдёныша! Для своих мальчишек берегла! – Асем послушала ещё раз дыхание ребёнка, сделала второй укол. Натёрла жиром ему грудь и спинку, плотно укутала одеялом, чтоб пропотел. – Таблетки продолжайте давать! И обильное питье! – Глаза у девушки были красные от бессонницы, а сама так и светится от радости, что важное дело делает – людям помогает!

Газиз вспомнил военный госпиталь. Там медицинским сестричкам некогда было улыбаться, работы – через край! Раненых везут, несут, ведут, тащат волоком... Взрослые мужики от боли стонут, воют, криком кричат, матом ругаются. Главное обезболивающее средство военной медицины – спирт! Куда ни сунься, всюду запах крови, пота, мочи, разложения и смерти, который перебивает даже запах еды. За окном – плохо отстиранные бинты и простыни полощутся на ветру, не успевают просыхать. Выздоровливающие солдаты целыми днями расправляют и скатывают эти длинные марлевые ленты в рулончики, которые тут же идут на новые перевязки. А эта девочка только-только курсы фельдшеров после семилетки окончила, сама ещё подросток, а уже первые роды приняла! Справилась! Только бы на фронт не запросилась! В тылу тоже работы хоть отбавляй!

Скрипя зубами от боли, Газиз «укачивал» раненую руку. Думал о своём друге: «Вот, дорогой Сапар, как всё повернулось... Ты мне жизнь спас – раненного с поля боя под пулями на себе вынес, сейчас продолжаешь бить фашистов... Чего душой кривить, наша Армия несёт большие потери. Смерть ходит за каждым красноармейцем по пятам. Успеет ли почтальон доставить тебе фронтовой треугольник с важной новостью о рождении ребёнка? Почувствуй, Сапар! Сердцем услышь: сын у тебя родился! Ещё один продолжатель твоего рода пришёл в этот мир!»

Рано утром, передав смену своему заместителю, Газиз вернулся домой. Устало опустился на табуретку, сбросил валенки, поглаживая больную руку, стал шёпотом рассказывать жене про найдёныша. Он всей душой втайне надеялся услышать от неё слова поддержки решения, которое он уже принял в своём сердце, но не решался озвучить.

– Что же теперь будет? – Алма взволнованно обняла чуть заметно округлившийся животик.

– Я отправил телефонограмму в район, мне ответили, что время военное, не хватает людей и ресурсов для решения первоочередных задач. Но в конце концов пообещали прислать за малышом уполномоченного работника детского дома. Хорошо, если бы родители мальчика к тому времени нашлись! Фельдшерница его осмотрела, таблетки оставила, а ещё посоветовала народными средствами лечить...

– Пошли! – решительно сказала женщина.

– Куда?

– На станцию! Больного ребёнка нельзя одного там оставлять! Закутаем в тулуп и на саночках привезём домой! Я сама его выхаживать буду! Когда поправится, с нашим Арыстанчиком подружится, вместе им веселее будет! А там и родители отыщутся!

Газиз несказанно обрадовался решительности жены. Но в то же время чувствовал себя виноватым, ведь на Алме – худышке, из-за его раненой руки, и так все заботы по дому и по хозяйству. С утра до вечера в хлопотах крутится, вертится, не присядет. Да ещё вторым ребёнком беременная! С него какой теперь помощник? Одной рукой много не наработаешь! Ни навоз в сарае вычистить, ни сена принести, ни дров наколоть! Даже маленькую пуговицу на гимнастёрке самому застегнуть – проблема! А больной ребёнок столько внимания требует!

– Алмуша, а вдруг... у него инфекция? Ведь в тех поездах никакой гигиены!

– Моя бабушка сейчас напомнила бы тебе поговорку: «Помоги чужому ребёнку, попавшему в беду, а Всевышний в трудный час защитит твоих детей!»

Повезло Газизу с супругой! Однажды, ещё до войны, в другой жизни, на майских праздниках в соседнем ауле он увидел на качели стройную красавицу с длинными косами и замер. Она! Подошёл, познакомился, а на следующий день заслал к родителям девушки сватов. Алма была младше мужа почти на десять лет. Юная, тихая, слова лишнего не скажет, но уж если решит что, спорить с ней бесполезно!

– «Приказ жены – главное ханского указа!» – засмеялся он весело и потянулся за валенком.

Всю ночь женщина не сомкнула глаз. Обтирала мечущегося в горячечном бреду ребёнка, поила водой. Утром прибежала фельдшерница, померила температуру. Твёрдой рукой набрала лекарство в шприц:

– Последний флакончик пенициллина! Теперь вся надежда на таблетки да на материнскую молитву, которая, как у нас говорят, «может поднять дитя со дна самого глубокого моря».

– Я молюсь... Хотя и комсомолка... – шёпотом поделилась Алма. – Когда муж не слышит! Он же у меня коммунист, на фронте в партию вступил.

– А я тоже буду просить небо, чтобы никто из моих подопечных не заболел! Месяц только начался, а санитарная сумка уже пустая!

Проснулся Арыстан, долго разглядывал найдёныша, дивился его рыжим волосам, задавал матери сотни вопросов и мешался под ногами. Потом принёс свою любимую игрушку – маленькую деревянную лошадку, выструганную отцом в ту ночь, когда Алма рожала первенца. Положил на мокрую подушку мальчика. Алма строго посмотрела на сынишку.

– Мама, не сердись! Это чтоб ему скучно не было! Вдруг он ночью выздоровеет? Проснётся, а я ещё спать буду! Вот он и начнёт играть с лошадкой!

Найдёныш болел долго и тяжело. Алма врачевала его не только молитвами, но и травяными настоями, припарками, растираниями, ставила банки. Пожилая стрелочница частенько заходила навестить малыша с подарком – кусочком сахара. Фельдшерница принесла молозиво от отелившейся коровы – самое первое средство для выздоровления! А потом, пока корова Алмы была «в запуске», каждое утро, чуть свет, прибежала с кружкой тёплого парного молока. Из аула старики передали для найдёныша бараньи рёбрышки для бульона. В конце января наконец стало ясно: мальчик идёт на поправку! Но почему он не говорит? – волновалась женщина. Сморит печально голубыми, как ясное небо, глазами, хмурит рыжие бровки, о чём-то сосредоточенно думает, шевелит губами... Даже имени его не удалось узнать! Но он не «немтырь» – это точно! Во сне малыш плачет, мечется и зовёт: «Мути... Мути... Мути...»

Однажды Алма вошла в дом и застыла, увидев такую картину: мальчики сидели на кошме у печки – рассматривали картинки в старом потрёпанном букваре. Сын тыкал пальцем в рисунок:

– Это по-казахски ат! Повторяй! Ат!

– Ат!

– Это – уй!

– Уй!

Недели через три мальчики уже смешно щebetали, непостижимым образом понимая друг друга и заливаясь смехом. Газиз при каждой встрече дотошно допытывал фельдшерницу: как помочь ребёнку вспомнить своё имя? Ведь если в детском доме его оформят под вымышленными данными, то мальчик лишится шанса найти своих настоящих родителей! Сейчас они наверняка уже определились с пристанищем и начали поиски сына. Асем терпеливо объясняла начальнику станции, что проблема с памятью бывает от сильного стресса и высокой температуры. Шутка ли, ребёнок почти два месяца боролся с болезнью! Выжил чудом! Но надежда есть! Постепенно память должна восстановиться! Забота и любовь – лучшее лекарство, они сделают своё дело!

В конце апреля Газиз, вернувшись с областного партийного совещания, обнаружил дома на печке жалобно скулящих дружков, одетых в девчоночьи платья. Платья надевают мальчикам по традиции только в одном случае. Завидев отца, Арыстанчик зарыдал в голос:

– Ата-а-а-а...

– Что случилось?

Жена, пряча заплаканные глаза, хлопотала у стола:

– Твой дедушка из аула приезжал...

– И...?

– С муллой.

– Как... с муллой?

– Обрезание сделали...

– И ты позволила? Знаешь же, что со мной будет, если это до райкома партии дойдёт?

– Газиз, я пыталась их остановить! Но твой дедушка сказал, что вы – мужчины сами разберётесь! Мяса немного привёз, картошки, подарки детям...

– Так... так.... А найдёныш почему в платье? – похолодел Газиз. – За компанью, что ли?

– Так это... Ему тоже... обрезание сделали.

– Как? – ахнул глава семьи, так и сел мимо табуретки. – В моём доме мулла сделал обрезание немецкому ребёнку?

Супруга подняла глаза:

– Ты, наверное, не поверишь, но он сам муллу попросил! Сказал, что хочет... «как брат Арыстан»! Мулла спросил, как его имя, а найдёныш ответил: «Мусульман»! Наверное, это они с Арыстанчиком придумали... А твой дедушка очень удивился и объяснил, что это имя означает «несущий свет»! Но это ещё не всё...

– Не всё? – Газиз, опираясь на здоровую руку, пытался встать с пола.

– Найдёныш, согласно традиции, назвал мулле имя отца – Газиз! Он назвал твой род и перечислил имена семи поколений твоих предков!

– Подготовились... значит? Арыстан, твоя работа? Ты к дедушке недавно в гости ездил! Вот – результат! – хозяин дома поднялся с кошмы, строго сдвинул широкие чёрные брови.

– Да, папа! Дедушка сказал: «Кто не может ответить на эти вопросы, тот – сирота»! А сирота – это плохо! Папа, теперь мой брат Мусульман не сирота!

– Что же вы наделали... – У Газиза затряслась голова: – Я же после совещания к директору детского дома заходил! За найдёнышем приедут сразу же, как только дороги просохнут! Медосмотр будет! Что я им скажу?

Маленький рыжий мусульманин перестал реветь и захлопал рыжими ресницами. Под суровым взглядом отца названные братья крепко обнялись и притихли на тёплой русской печи. Жена подала мужу ложку, подвинула тарелку с кашей, обняла его за плечи.

– Газиз, дорогой, ты же сам знаешь, что в тех чёрных поездах творится... Если бы его родители были живы, давно бы уже начали искать сына! Конечно, я знаю, что всё не так просто... Депортированные народы, поражение в правах и всё такое... Но в чём вина ребёнка? Он же не враг! Это же просто маленький потерявшийся мальчик! Он ещё от болезни как следует не оправился, только-только привыкать стал... Учится говорить по-казахски! А мы его – в детский дом, к детям, которые потеряли родителей, пострадали от войны. Для них что немец, что фашист – одно и то же! Кто знает, как в детдоме к Мусульману отнесутся? Всё может быть! А если мы усыновим его, дадим нашу фамилию, то в семье он точно не пропадёт! Вырастет достойным человеком!

Глава семьи молчал. Каждый мужчина казах знает, что он не имеет права на ошибку! Ведь его имя будут помнить семь поколений потомков! Это большая ответственность! Мужчину, опозорившего себя и свой род, сотрут из памяти, как будто его никогда и не было на свете. Он слушал жену и дивился её житейской мудрости, но по привычке хмурил широкие чёрные брови и не торопился с ответом...

Ночь выдалась бессонная. Газиз и Алма не гасили керосиновую лампу. То и дело вставали к плачущим детям. Начальник станции шёпотом делился с женой новостями:

– В соседнем районе зимой был такой случай... Сломался паровоз с немецким составом. Охранники в буран высадили людей из вагонов, погнали в степь и бросили их там. А мужчины и женщины сделали круг, в центр поставили детей и стариков, а сами сплотились плотным кольцом, плечо к плечу, пытались согреть их. Совершенно случайно их, чуть живых, нашёл пастух на лошади. Он поскакал в аул, благо что не далеко было, поднял людей, и те разобрали немцев по домам...

Алма молча качала головой, жалась под тёплым одеялом к мужу.

– А после совещания у нас закрытая лекция была, об обстановке на фронте говорили, об эвакуации фабрик, заводов, техники и, конечно же, людей... Офицер докладывал, что, по данным разведки, фашисты на захваченных территориях зверствуют страшно. Отбирают крепеньких деток и отправляют в специальный концлагерь, там у них берут кровь для фашистских госпиталей. А в Воронеже город сдали, не успев детский дом эвакуировать. Заведующая пришла в комендатуру просить продукты. Так фрицы детдом закрыли на замок, облили бензином и сожгли 366 малышей вместе с начальницей! А в Краснодарском крае расстреляли весь детский дом – 214 деток!

– Фашисты – не люди! – ужасалась Алма. – Какая безумная жестокость...

– Партией было принято решение об эвакуации сирот из прифронтовой полосы к нам, в Казахстан. Уже прибывают первые составы. Дети все больные, истощённые, простуженные, с инфекцией, чуть живые... В общей сложности к нам эвакуируют сто четыре детских дома! Это более 13 тысяч девочек и мальчиков разных возрастов и национальностей! Партия призывает всех казахстанцев усыновлять сирот! А нас, коммунистов, показывать в этом примере! Руководители Казахстана берут сирот в семьи!

– Усыновить – дело хорошее! – вздохнула женщина – Проблема – чем их кормить! От нашего большого хозяйства остались лошадь, корова и жеребёнок маленький.

– Вот и я о том же! Но раз так сложилось с найдёнышем, – шёпотом говорил Газиз, – затянем пояса потуже! Если до осени его родственники не объявятся, я сам поеду в район и напишу заявление на усыновление. Тем более что малыш выбрал себе такое особенное имя! Несущий свет! Надо же! Удивил пацан! Удивил...

– Да-да... Это правильно... Правильно... – устало бормотала женщина и, наконец, затихла рядышком, уютно посапывая.

Муж заботливо подоткнул под спину жены мягкое верблюжье одеяло, попытался тоже уснуть, но сон не шёл. Газиз снова и снова раздумывал о событиях дня. Думал о тяжёлом времени военных испытаний, выпавших на долю огромной советской страны. Да, без взаимовыручки народов в этой суровой войне не выжить, не выстоять и не победить! Размышлял о традициях и обычаях казахского народа, которые складывались веками в условиях родового устройства и стали правовой нормой всех сторон жизни, что всегда помогало кочевникам выстоять в самых суровых жизненных условиях, благодаря взаимовыручке соплеменников. В борьбе с фашизмом огромная советская страна тоже поднялась и объединилась. А объединённый народ одолеть невозможно! Победа будет за нами!

Каждый день семья с радостью замечала: малыш меняется! Исчез испуг в глазах, не стесняется приласкаться, начал озорничать. Однажды Алма вязала носочки для будущего малыша, Мусульман играл с деревянной лошадкой на кошме. И вдруг растерянно затих, наблюдая за быстрым мельканием спиц, потом подошёл к ней, провёл маленькой ладошкой по щеке и прошептал:

– Мути? Ты... моя мути! Да?

Она уронила вязание:

– Мой маленький рыженький верблюжонок! Да, я твоя мути!

Мальчик схватил её руку, прижал к своему лицу и горько заплакал...

Алма обнимала ребёнка и приговаривала:

– Всё наладится, сыночек! Всё будет хорошо! Я с тобой!

Она радовалась тому, что Мусульман тянется к животным. Если Арыстану больше нравилось рассматривать картинки в книжках, мастерить пистолеты, играть в войнушку, то найдёныш, наоборот, охотно помогал кормить кур, давал сено лошади. Бережно несёт маленькую охапку из сенника до кормушки, старается изо всех сил! Если даже клочок сухой травы нечаянно выпадал из детских рук, то он вприпрыжку возвращался за ним. Любил зарыться в сене, притаиться в своей маленькой норке и нюхать разные травинки. Вроде для ребёнка это просто забава, а сколько в ней радости! Всё ему любопытно, всё интересно! Только успевай отвечать на его смешные вопросы. Сколько зубов у коня? Зачем лошади хвост? На каком языке думает лошадка? Легко запомнил огромное количество казахских названий лошадей не только по возрастным различиям, но по многим другим отдельным понятиям. Маленького вороного жеребёнка с белой звёздочкой во лбу Мусульман полюбил всей душой! Теперь он днями пропадал на конюшне. В обед за столом «незаметно» спрячет под рубашку горбушку и, чуть Алма отвернётся, он уже бежит в сарай, возится с жеребёнком! Даже сахар не ест, несёт угощение тонконогому малышу – «кулыну».

Найдёнышу, как «временно проживающему» в семье, хлебная карточка не полагалась. Хлеб, конечно, жалко! И не потому, что он отдаёт, а что сам не ест! Ведь мальчику надо хорошо питаться! Вон какой худющий – одни ребра торчат! Конечно, и животных жалко, они тоже на голодном пайке, целую скирду сена ещё осенью забрали в счёт налога государству, а до зелёной сочной травы ещё дожить надо! Жеребёнка одним ломтем всё равно не накормить! Одно баловство! Но запретить тоже нельзя, потому как, по народной примете, можно навсегда отбить у ребёнка желание делиться с ближним не лишним, а самым необходимым! Ведь рано или поздно война закончится, со временем придёт в дом достаток и сытая жизнь, слабый окрепнет и станет сильным, маленький – большим, зёрна доброты, проклюнувшиеся в детской душе, прорастут и дадут богатый урожай – он никогда не будет чужаком среди людей. Недаром говорится: «Добрый человек в добре проживёт весь век»!

А вот и новая радость: курочка начала нестись, теперь дети каждый день могут съесть по пол-яйца! Для растущего организма это важная поддержка! Однажды Алма зашла в сарай, чтоб проверить гнездо, и услышала смех. Тихонько приблизилась к стойке и затаилась. Кобыла старательно облизывала жеребёнка, а потом вдруг стащила шапку с головы Мусульмана и принялась своим шершавым языком лизать его рыжие вихры. А он подставляет голову под её мягкие тёплые губы и хохочет, заливаясь! Услышав шорох, мальчик поднял счастливые глаза:

– Мама, она думает, что я – жеребёнок! Это потому, что я кумыс пил? Но я же твой сыночек? Да, мути?

Женщина засмеялась:

– Конечно, ты мой любимый рыженький сыночек!

Вечером Газиз установил на столе столярные тиски и, орудуя одной рукой, мастерил из дощечки очередной деревянный пистолет, рассказывая мальчишкам о том, как тяжело приходится красноармейцам на войне. Говорил, что победить фашистов можно тогда, когда все люди будут и воевать, и работать, и жить как настоящие герои. Ребята слушали отца очень серьёзно.

– И дети? – деловито спросил Арыстан.

– В том числе! Маленькие герои должны слушаться родителей и помогать маме! Потому что у нас здесь трудовой фронт!

– А кони? – у Мусульмана теперь любой разговор сводился к одной теме – о лошадях.

– Да, и они!

– Ну, тогда... давайте нашего жеребёнка назовём Героем?!

На том и порешили!

«Душа у найдёныша чистая, сердце – доброе, открытое, – наблюдая за ребёнком, размышляла Алма, вязавшая шапочку для будущего малыша. – Когда он школу закончит, надо будет отправлять его в город учиться на ветеринара! Или на зоотехника? Нет, лучше – на ветеринара! Но... тогда ему придётся жить в городе, в холодном общежитии! А нашему Мусульманчику простывать нельзя! У него лёгкие слабые! Он тепло любит! Как же быть?» – и вдруг расхохоталась своим далеко идущим планам.

Весна выдалась запоздалой, холодной. В начале мая мальчишки стали просить мать отпустить их на речку – посмотреть ледоход. Целый час ходили за ней «хвостом» и канючили, что только одним глазком глянут и – домой! Она отпустила ребят с условием, что к берегу реки они близко не подойдут.

– Мути, а можно Героя с собой взять?

Не прошло и часа – примчалась запыхавшаяся соседская девочка Роза, то и дело сбиваясь, рассказала, что на дядю Сапара похоронку принесли, и его сыновья побежали на речку убивать «маленького фашиста».

До речки почти два километра. Женщина бежала не чуя ног. Платок сбился, большой, тяжёлый живот мешал двигаться... Воздуха не хватало. Весенняя светло-сиреневая от подснежников степь качалась перед глазами. Только бы успеть! Вот она уже видит у реки толпу дерущихся детей. Закричала что есть мочи. Наконец подростки заметили её и бросились врассыпную. На сиреновой земле остался лежать один ребёнок, второй снова и снова пытался поднять его, но силёнок не хватало. Вокруг них описывал круги Герой.

Теряя последние силы, Алма перетащила Мусульмана через порог дома. Газиз пришёл домой на обед и нашёл жену на полу в луже воды, она громко стонала. Рядом – найдёныш с окровавленной головой, без сознания. Испуганный Арыстанчик метался между ними с кружкой воды.

Прибежала фельдшерица Асем, моментально оценила обстановку:

– Газиз-ага, ставьте греть воду! Быстро! Два больших ведра! У вашей жены воды отошли, будем рожать на «сухую»! Беременность не доношенная... Где у вас старые простыни? А клеёнка? Теперь давайте передвинем кровать от окна и перенесём роженицу! Лампу зажгите! Скорей! Скорей! Скорей! Хорошо, что Роза ко мне приближала, сказала, что тётя Алма на руках Мусульмана домой тащит!.. Я сразу к вам! Арыстанчик, ты беги скорей к моей маме, скажи, чтоб она срочно принесла сюда сумку для родов! Повтори!

– Сумка для рода!

– Дуй быстрее ветра и назад не возвращайся! Сегодня у нас будешь ночевать!

Девушка смочила ватку нашатырным спиртом, поднесла к носу Мусульмана. Он застонал и открыл глаза.

– Изверги! Камнем голову пробили. Буквально миллиметр от височной артерии! Сотрясение мозга у ребёнка. Газиз-ага, забирайте мальчика и несите к нам в дом, там о вас позаботятся!

Роженица вдруг закричала диким, совершенно невыносимым воплем. Фельдшерица бросилась к ней:

– Ребёночек пошёл! – повернулась к хозяину дома. – Уходите же, ага! Быстрее! Не смотрите! Это женские дела!

Смеркалось. Газиз стоял у занавешенного окна своего саманного домишки, его била дрожь. Крики жены рвали сердце. Здоровой рукой он прижал

Мусульмана к своей груди. У мальчика носом шла кровь и расплывалась по гимнастёрке названного отца тёмным тёплым пятном. По двору неприкаянно слонялся жеребёнок, подходил к Газизу и тыкал влажным носом в лицо мальчика. В конюшне беспокойно ржала и била копытом лошадь. Мужчина чувствовал: он должен сделать что-то очень важное! Но голова так предательски дрожала, что никак не получалось сосредоточиться.

– Бедный ребёнок, сколько же испытаний выпало на твою маленькую жизнь! Если я, взрослый человек, сейчас не смогу защитить тебя, то сыновья погибших односельчан, ослеплённые горем, могут забить тебя камнями. С них станется!

И Газиз шагнул к дому напротив.

Открыв глаза, он увидел, что сидит на кошме, прислонившись к белой стене. Вдова Сапара в белом платке, повязанном назад, пыталась из кружки напоить его, но зубы выбивали такую дробь, что вода проливалась за расстёгнутый ворот военной гимнастёрки. При свете керосиновой лампы Газиз разглядел перед собой пять нечётких силуэтов. Насмерть перепуганные босоногие пацаны стояли по росту и не сводили с него узких чёрных глаз. В углу комнаты, под портретом Сталина, в колыбельке гулил малыш. У стены – гора лоскутных одеял и пёстрых матрасиков – корпешек, сшитых заботливыми руками хозяйки дома.

– Где... Му-суль-ман?

Подростки отпрянули, тени метнулись по стенам комнаты.

– Я перевязала его, напоила сладким чаем и уложила на свою кровать. Он уснул... – она виновато замялась. – Ага, вы уж простите моих ребят. Когда почтальон похоронку принёс, я от горя так кричала, что детей до смерти напугала. Поэтому они чуть не натворили беды...

Хозяйка придвинула к гостю низкий круглый столик и принялась накрывать его. Запахло жареными лепёшками.

– Вот... пожалуйста! – она поставила перед гостем пиалу с чаем, подвинула тарелку со стопкой тоненьких пузырчатых маслянистых шелпеков.

– Мука ещё из довоенных запасов... – она приглушённо всхлинула. – Вот, пригодилась... Жаль, что по такому печальному поводу...

Газиз наконец собрался с мыслями:

– Кульжамал, прими мои соболезнования! Это невосполнимая утрата для нас всех! Ты знаешь, Сапар был мне не просто другом, а братом. Я не оставлю вашу семью без поддержки! Знай это! С любым вопросом обращай ко мне! Договорились?

Вдова закивала.

– Я должен поговорить с детьми. По-мужски! Разрешить?

– По-мужски? Ну, тогда я отлучусь ненадолго, – концом платка женщина вытерла глаза. – Пойду, узнаю, как дела в вашем доме.

Мужчина строго глядел на ребят: постепенно его глаза стали различать лица сыновей Сапара.

– Знаете казахскую поговорку: «Два умных сойдутся – до смерти дружат, два дурака встретятся – до смерти враждуют»?

Пацаны, не смея поднять глаза, шмыгали носами и переминались с ноги на ногу.

– Я хочу рассказать вам, как начиналась дружба между нашими семьями. Эту историю, ещё ребёнком, я слышал от своего дедушки...

Конечно же, Газиз знал, что подросткам хорошо известно это семейное предание, но для него было важно, чтобы они услышали эту памятную историю именно от него!

– Старики говорят, что для кочевника страшнее джута беды нет, – начал он свой рассказ. – После снегопада, который продолжается несколько дней,

пастбище покрывается таким толстым слоем снега, что овцы не могут пробиться к корму. Чаше джут приходит, когда среди зимы вдруг наступают тёплые деньки, снег подтаивает, а на следующий день неожиданно грянет такой лютой мороз, что за несколько часов степь на сотни километров превращается в сплошной ледяной панцирь. Животные не могут разбить хрупкими копытцами толстый лёд, остаются без корма неделю, другую и погибают от голода. Иногда ледяная корка бывает такой толщины, что даже лошади, разбивая в кровь копыта, не могут добраться до сухой травы. Если пришёл джут, то по неписаным законам великой степи глава семьи выбирает из отары десятков самых крепких племенных овец и лошадей, грузит на повозку детей да стариков и сквозь мороз и пургу пробивается к людям. Каждый казах был уверен, что в первой же юрте, встретившейся на пути, его не оставят в беде!

Когда ваш совершенно обесиленный прадед постучал в юрту моего деда, в повозке в живых оставался только один ребёнок – Сапар... Родители и другие дети замёрзли. Скот пал по дороге. Мои родственники в ту суровую зиму не только дали приют пострадавшим, но и поделились всем, что имели: едой, одеждой, скотом... – Газиз говорил тихо. – Мы с Сапаром росли вместе, пацанами пасли лошадей, учились в школе, а потом пошли в ФЗО – получили профессию железнодорожника. Работать начали! Ваш папа встретил вашу маму, они полюбили друг друга и поженились. На свет появились вы... Я в институт поступил, потом тоже завёл семью. Казалось бы: живи и радуйся!!! Но началась война – и мы с другом пошли добровольцами на фронт. Когда меня ранило и засыпало землёй, Сапар откопал меня и под пулями на себе вынес с поля боя. Его гибель для меня – такая же большая утрата, как и для вас. Вы потеряли отца, я – названного брата. Уверен, он погиб как герой! Теперь мой долг заботиться о вашей семье. И я обещаю, что сделаю всё, чтоб вы выросли уважаемыми людьми, достойными памяти отца! Война – страшнее джута. Все народы нашей великой советской страны от неё страдают. Мы сможем победить врага только тогда, когда будем помогать друг другу! Только вместе мы – сила! Враг всегда побеждает слабого, но никогда не победит сплочённый народ! Вы понимаете меня?

Дети закивали.

– Так случилось, – продолжил Газиз, – что по законам степи моя семья дала приют маленькому больному мальчику, потерявшему своих родителей. Без нашей помощи он бы не выжил. От долгой болезни ребёнок даже имя своё забыл! Теперь его зовут Мусульман. Ваш отец, я уверен, тоже не бросил бы малыша умирать на морозе, он тоже приютил бы ребёнка в своём небогатом доме! Вы должны знать: найдёныш, прежде всего, незащитный ребёнок! Да, он немец, но не фашист! Его папа и мама родились и жили в России. Фашистов я видел вот как вас сейчас... Они пришли на нашу землю, чтоб сделать нас рабами. Они считают, что мы – недочеловеки... А мы, советские люди, не будем уподобляться фашистам! Запомните, мы защищаем всех детей, попавших в беду, независимо от национальности! Знайте, наша армия будет сражаться с фашистами до победного конца! Борьтесь не только за свободу Родины, но и за право жить на своей земле, говорить на своём языке и оставаться свободным человеком!

Газиз замолчал, отхлебнул глоток остывшего чая. Поглядел на притихших мальчиков и продолжил:

– Родителей мальчика нам не удалось найти. Теперь он – наш приёмный сын! Мой долг заботиться о нем как о родном! Ясно?

Братья закивали, зашмыгали носами. Из соседней комнаты неуверенной походкой вышел Мусульман с повязкой на голове, пристроился на кошму рядом с Газизом, привычным движением положил раненую руку отца на своё

плечо, прислонился головой к его груди и... совсем не по-детски посмотрел на обидчиков.

– Газиз-ага, простите нас! Мусульман, и ты прости нас! Мы не знали. Мы думали, что все немцы – фашисты! Больше никогда тебя не обидим! Теперь мы будем защищать тебя! Обещаем!

– Помните! Вы дали слово! А теперь, садитесь все за стол! – устало сказал гость. – Переломим поминальный хлеб в память о вашем отце – Сапаре!

Вскоре вернулась Кульжамал:

– Газиз-ага, поздравляю вас! Алма родила сыночка! Вы ещё не решили, какое имя дадите новорождённому?

– Его имя – Сапар!

Всё лето начальник станции пропадал в командировке – руководил ремонтными работами на отдалённых участках железнодорожного пути. Рабочих рук не хватало. Ремонтная бригада – женщины и подростки таскали неподъёмные шпалы, носилки с гравием, тяжёлыми кувалдами забивали «костыли». Два старших сына Сапара тоже работали на ремонте дороги. Газиз, как мог, помогал им во всём. Домой приезжал редко, только чтоб помыться, переодеться, обнять жену и сыновей. Ремонт стратегически важного объекта должен быть завершён до осенней распутицы! В один из таких приездов Мусульман пристально наблюдал за отцом, потом шепнул брату:

– Арыстан, смотри, у папы на раненой руке пальцы шевелятся!

Стали присматриваться вместе.

– И правда!!! Шевелятся!

Всеобщей радости не было предела!

Однажды нежданно-негаданно в аул нагрянули военные – молодые парни в новых гимнастёрках, с новенькими винтовками. У речки разбили лагерь, установили палатки, полевую кухню, длинный дощатый стол, разгрузили огромную кучу дров, огородили щитами загон для скота. Народ недоумевал: что бы это значило? На учения не похоже! Алма тревожилась: где тайна, там жди подвоха!

Рано утром по аулу пошли тройки красноармейцев, они заходили во все дворы, показывали бумагу с синей печатью и под рёв детей и женщин выводили со двора овцу, корову или лошадь. Животных сгоняли к речке, в загон. Алма чистила сарай, когда военные вошли в их двор. Она похолодела. Корова протяжно замычала. Молоденький рыжий лейтенантик показал документы:

– У вас в хозяйстве три головы скота! Вы должны сдать государству одну голову!

– Но мы в прошлом году осенью сдали корову и телку! Добровольно! Мой муж – инвалид войны, для работы ему положена лошадь. Он отказался от казённой, на своей кобыле объезды каждый день совершает. Корова у нас тоже одна – кормилица. Трех детей кормит! Если вы её заберёте, то мы не выживем! Не отдам корову!

– А телёнка куда подевали?

– Старикам отдали, у них корова зимой пала...

– А жеребёнок? – лейтенант кивнул в сторону Героя, который ходил по двору, а потом стал настойчиво обнюхивать карманы красноармейцев.

– Он же совсем малыш ещё! – она грустно улыбнулась. – Забирайте меня...

Из дома вышли дети. Арыстан, пыхтя, тащил перед собой младшего братишку. Услышав последнюю фразу, мальчики бросились в рёв. Лейтенант с любопытством смотрел на детей, остановил взгляд на Мусульмане:

– Немец, что ли?

– Нет, я казах!

Красноармейцы переглянулись, лейтенант решительно скомандовал забирать жеребёнка. Те моментально набросили верёвку на шею Героя, потянули со двора. Он упирался своими тонкими ножками, брыкался, мотал головой, выворачивал испуганный чёрный глаз в сторону детей и жалобно ржал.

– Не отдадим Героя!!! – мальчики рыдали во весь голос. – Он маленький!!!

Вдруг Мусульман упал на колени и что было сил в тонких детских ручках обхватил кирзовые, начищенные до блеска сапоги лейтенанта. Когда тот попытался оторвать от себя непокорного ребёнка, тот укусил его за руку. Один красноармеец в ту же минуту поднял наизготовку винтовку, щёлкнул затвором. Алма бросилась к Мусульману, накрыла своим телом... Лейтенант зажал укушенную руку и тихо сказал:

– Ладно, ладно! Мы люди подневольные, приказы должны исполнять! Но я вам по секрету скажу... Обычно таких малышей не берут!

– Куда не берут?! На войну? – в глазах Арыстана вспыхнула надежда.

– Конечно, на фронт! А то куда же.

– Давайте так поступим, – шептал лейтенант. – Как только вашего кулына отпустят, мы приведём его назад! Обещаю!

– Вы врётё! – захлёбывался в плаче Мусульман. – Я знаю! Вы всё врётё!

Дети с рёвом бежали за упирающимся Героем до самого загона. На воротах стоял часовой с винтовкой наперевес. Он прогнал мальчиков. Арыстан и Мусульман сели на пригорке в надежде самим забрать Героя в тот же час, как только его отпустят! Они прождали всё утро, весь день и вечер. От пронзительного ржания лошадей, блеяния овец и мычания коров, доносившихся из-за шитового забора, стыла кровь и закладывало уши. Ветерок доносил давно забытый запах варёного мяса, пугал и кружил голову от голода. Осипшие от рёва, потрясённые страшной несправедливостью и беспомощностью, дети сквозь слёзы смотрели, как по грунтовой дороге к загону военные гнали телят, лошадей, овец, белую козу, за которой бежал маленький игривый козлёнок, упирающуюся корову с большим тяжёлым выменем. За коровой, рыдая, бежала женщина с кучей ребятишек мал мала... Уже смеркалось, когда из ворот загона вышел огромный дядька с папиросой во рту и в клеёнчатом фартуке, запачканном кровью.

– Марш, марш отсэдова! Бойцов на фронте кормить нечем, а вы тут сопли распустили! На тушёнку пошёл ваш конёк! Бегите домой, скажите мамке, чтоб мешок дала! Я вам лошадиную голову и кишки отдам!..

Быстрее самого резвого скакуна жителей станции Аксу облетела новость о приезде уполномоченного представителя из района. Алма растерялась. Столько ждали, а когда ждать перестали – вот он, вернее – она, явилась на ночь глядя! Как отдавать в сиротский дом ребёнка, с которым уже столько пережито, который стал своим, близким, родным?

Во двор вошла женщина гренадерского роста, в брюках галифе, сбоку на кожаном ремне – кобура. Своим богатырским видом и громким голосом она внушала трепет и панический страх.

– «Грос Тантэ»... – с ужасом шепнул рыжий брат своему черноголовому брату. – Надо убежать! Прятаться! Она хочет посадить нас в холодный поезд! Там все умирают!

Мальчик заметался по двору как ягнёнок, выбранный на заклятие, потом со всех ног бросился в дом и забился под родительскую кровать.

Уполномоченная показала Алме бумагу с подписью и синей печатью – предписание на «изъятие и доставку в детский дом мальчика немецкой национальности, примерно пяти-шести лет, имя и фамилия неизвестны». Пока

хозяйка дома, то и дело, роняя всё из рук, растапливала баньку и собирала на стол, «Гросс Тантэ» вместе с Арыстаном распрягли усталую кобылу, напоили её, дали свежего сена.

– Где немец?

Женщина быстро «вычислила» перепуганного Мусульмана и за ногу вытащила его из-под кровати.

– Не вздумай бежать, поганец! – она погрозила толстым указательным пальцем перед его носом. – Иначе я арестую всю вашу семью! Понял? Что молчишь? Понял? Я тебя спрашиваю!

– Пожалуйста, не кричите на мальчика, он вас боится!

Тётка перебила хозяйку дома:

– Соберите в узелок самые необходимые вещи и продукты на один день! Отправление – в пять утра! Да про воду не забудьте!

Братья, не сговариваясь, бросились к дому Сапара. В надежде, что после баньки и ужина сердце гостя смягчится, Алма подливала чай в пиалу незваной гостю, снова и снова уговаривала раскрасневшуюся женщину:

– Мы с мужем решили усыновить мальчика. Он уже привык к нам! Стал родным! Меня мамой называет, Газиза – отцом!

– Это невозможно! – разомлевшая начальница, смакуя кусочек сахара, по причине вредности своего характера продолжала нагонять страху: – Предписание получено? Получено! Сами знаете, что бывает в военное время за неисполнение! Причём без суда и следствия!

– Но... мальчик однажды уже потерял родных! Он очень тяжело это пережил – молчал несколько месяцев!

– Ой, только не надо мне тут жалостные сказки рассказывать! Я всё сама вижу! Совсем затюкали пацана! В дикаря превратили! Трясётся как припадочный! И потом... – она многозначительно подняла вверх палец, – информация в обком партии поступала, что аульские дети чуть не убили «фашистёнка»!

– Он не фашистёнок! А дрожит, потому что вас испугался! И с соседскими детьми муж побеседовал! Мальчики уже давно дружно играют вместе!

– Ага... Играют они! Как же! Знаем мы таких «друзей»! Сегодня играют, а завтра опять кинутся на фаш... на немца с камнями и палками! – тётка протяжно зевнула. – Поубивают друг друга, а наши враги только этого и ждут! «Красный крест» тут же поднимет шум на весь мир. Да и вы, видать, политику партии неправильно понимаете! Прежде всего, он немец – представитель нации неблагонадёжных и готовых перейти на сторону Гитлера!

– Да он просто ребёнок! Малыш! Сирота! Муж вернётся, что я ему скажу?

– Надо было раньше думать! Если бы вы действительно хотели его усыновить, давно бы уже всё оформили!

– Мы ждали, что найдутся его родители! Потом у меня роды преждевременные, тяжёлые случились, ребёночек родился недоношенный, плакал день и ночь. Газиз сутками на работе. Сейчас в командировке – на ремонте участков железнодорожного пути. Я одна с тремя детьми. К зиме он будет посвободней – сразу поедет в город и все бумаги выправит!

– Не знаю... Не знаю... – «Грос Танте» протяжно зевнула. – Зачем вам эта обуза? Могли бы нормального ребёнка взять! Украинца или белоруса... А-а-а!!! Поняла! Из-за хлебной карточки?! Так вот вам мой ответ: нет и нет! И ещё раз – нет! – даже в расслабленном состоянии она оставалась грозной и непреклонной. – В пять утра выезжаем! Чёрт побрал бы эти грунтовые дороги! Такие тряские. – Женщина прислонила голову к маленькой подушке и тут же, на кошме, по-богатырски захрапела.

Под утро заплакал младенец, и Алма, не в силах открыть глаза, приподнялась на локте, стала кормить его грудью. Малыш наконец насытился, засопел. Женщина на ощупь принялась переключивать его в колыбельку. Услышала порох. Сон как рукой сняло: на кошме богатырским сном спит уполномоченная. Громко тикают ходики на стене. Топится печка, на плите – кастрюля. У печки на табуретке плечом к плечу сидят Арыстан и Мусульман...

– Эй, сыночки, вы чего? А ну марш спать! Рано ещё!

– Скоро пять часов! – Арыстан положил руку на плечо Мусульману. – Мы с братом в детский дом поедem вместе!

– Как это?

– Мама, мой брат там никого не знает! Без меня его могут побить!

Женщина растерялась, не нашла что ответить сынишке. Вот тебе и малыши – несмышлёныши! Пока она, взрослая женщина, испугавшись суровой начальницы и бумажки с синей печатью, искала выход из сложившейся ситуации, её сыновья уже всё решили! Не каждый взрослый мужчина из-за названного брата откажется на такой шаг! Она встала, подошла к плите:

– А в кастрюле что?

– Так... Варим... В дорогу...

На заре у дома Газиза собралась толпа односельчан. Люди, от мала до велика, тихо стояли у открытой калитки. «Грос Танте» сама открыла ворота, вывела со двора запряжённую лошадь. В сарае раскудахтались куры, мычала корова.

– Прошу вас! – в отчаянии молила Алма. – Оставьте ребёнка! Муж всё решит с усыновлением!

– Значит, получается, я зря целый день тряслась в телеге? И вернусь порожняком?

Морщась, как от зубной боли, уполномоченная бесцеремонно отодвинула худенькую Алму, загородившую собой мальчиков, которые сцепились в крепких объятиях как сиамские близнецы. Громко ругаясь, «Гросс Танте» легко подхватила «близнецов» и закинула в телегу на сено. Толпа колыхнулась. Алма бросилась вперёд и встала перед лошастью, раскинув руки. Пожилые люди, женщины и дети в едином порыве сплотились за ней, перегородив дорогу. Уполномоченная схватила кнут:

– Бунт устроила? Отойди!

– Нет!

Раздался свист плётки. От невыносимой боли Алма рухнула на колени, застыла, не в силах сделать вдох. И вдруг сквозь слезы она увидела, как по улице несётся всадник в гимнастёрке, с непокрытой головой, в одной руке – поводья, другая откинута назад, словно в полёте. Морда лошади в белой пене. Следом, на скакуне, летит старший сын Сапара.

– Успел!!! – выдохнула толпа.

Газиз быстро спешил, одного за другим снял с повозки перепуганных сыновей. Тётка грозно двинулась на него, растёгивая кобуру.

– Опомнись, женщина! – он остановил её движением руки. – Перед тобой – инвалид войны! Ты ответишь за то, что сейчас, на глазах у всего аула, ударила плёткой мою беззащитную жену! Уезжай по-хорошему! – Его била дрожь. – Я осенью приеду и усыновлю ребёнка! Прямо сейчас могу заявление написать!

Наверное, до уполномоченной наконец дошло, что она сильно переборщила со своими «полномочиями». Тяжело пыхтя, «Грандт Танте» забралась на телегу и с богатырского размаху стегнула животное. Лошадь мгновенно вздыбилась и рванула с места. Газиз прижал к себе плачущую жену и детей,

как вдруг мальчики сорвались с места и бросились вдогонку за удаляющейся повозкой. Потрясённый Гагиз еле настиг их:

– Вы куда?

– Яйца уехали!

– Какие ещё яйца?

– Мы ночью сварили! В дорогу! Пять штук!!!

Мужчина сел на землю, прижал к себе сыновей и весело захохотал. Подбежала Алма, за ней – односельчане. Вначале тихо, а потом всё громче и громче люди стали заливаться смехом, и только братья недоуменно переглядывались...

Прошло тринадцать лет. Однажды во двор Газиза вошли двое. Он выглянул в окно и обер – там стояли пожилой рыжий мужчина и невысокая седая женщина. Не в силах справиться с внезапной дрожью головы, он вышел на встречу незнакомцам.

– Дорогие гости, заходите в дом! Супруга и дети уехали в аул проведать стариков и помочь им накопить сена. Я на хозяйстве... Они вот-вот вернутся! А пока семья в пути, мы можем выпить чаю и поговорить! Ведь нам так много нужно сказать друг другу! Правда?

Удивительная новость моментально облетела жителей станции Аксу. Во дворе стали собираться люди. И тут же, без лишних слов, закипела работа! Соседи несли из своих домов неприкосновенные запасы, припрятанные для особого случая. Тут же, во дворе, устанавливали столы, стелили нарядные скатерти, расставляли посуду. Как на волшебной самобранке, на дастархане появлялись баурсаки, лепёшки, зелень, курт, сметана, кумыс. Сыновья Сапара свеживали тушу молодого барашка, разжигали огонь под большим котлом, резали лук. Женщины вместе с фельдшером Асем месили тесто, длинными скалками раскатывали тончайшие сочни. Старушка в белом платке – бывшая стрелочница, то и дело, закрываясь от дыма широким рукавом нарядного платья, раздувала огонь под огромным трёхведёрным самоваром. Соседская девушка Роза, связав за спиной длинные косы, промывала в миске изюм и выкладывала его для просушки на длинное льняное полотенце.

Когда Алма с детьми вошла в дом, гостья упала к её ногам:

– Низкий поклон тебе, мать, за нашего Теодора!

Худенькая, постаревшая раньше времени женщина обнимала растерявшегося сыночка. Сбиваясь и перескакивая с одного на другое, она то начинала расспрашивать его о чём-то, то вдруг, не дослушав, принималась что-то рассказывать.

– ...А помнишь, – она заглядывала в голубые как ясное небо глаза сына, – ты любил смотреть, как я вязала тебе носки из крашеной овечьей шерсти? Ты гладил своей маленькой ладошкой мою щеку и приговаривал: «Моя мути!» Неужели забыл? После того как ты потерялся, я, чтоб не сойти с ума, бессонными ночами принималась вязать. Стоило приклонить голову к подушке – мне снился один и тот же сон: я примеряю на твою ножку обнову, а она не подходит по размеру – маловата! Я снова за спицы! И опять снится примерка! И опять ножка длиннее. Семья думала, что я уже никогда не выкарабкаюсь из этого состояния. Но однажды закончилась шерсть. Я разложила на кровати все носки по парам, и вдруг... Меня будто со дна черного омуты вытолкнули! Я поняла: мой сыночек – ЖИВОЙ!

– Как же ты... это поняла, мути?

– А каждая новая пара была чуть больше предыдущей! Стало быть, твоя ножка растёт! А это значит – растёшь и ты!!! Каждый вечер всей семьёй мы

молились, чтоб бог хранил тебя и помогал людям, которые заботятся о тебе! Боже мой, боже мой... Мой милый сыночек, как же ты похож на отца! – она рассматривала каждую веснушку на лице сына, каждую трещинку и царапину на его больших руках... Плакала и говорила... говорила... говорила...

Оказавшись в центре внимания, Мусульман изо всех сил напрягал память, морща лоб и ероша рыжие волосы, старался вспомнить хоть что-то... Но, увы! Память молчала. Он не знал, куда деть себя от смущения, беспомощно оглядывался на маму Алму. В его глазах было столько смятения и боли, столько недоумения, радости и невероятной муки... Умом он понимал, что приехали его кровные родители, но почему так больно, так тревожно на сердце? И он в отчаянии заплакал. Обе матери бросились утешать его.

– Мы написали сотню запросов в разные инстанции! – отец Теодора тоже не стеснялся своих слёз. – Разве мы могли предположить такое, что наш сыночек забыл своё имя?

– А мы, – отвечал ему Газиз, – тоже посылали заявки на поиски родственников рыжего немецкого мальчика, найденного на железнодорожной станции Аксу, одетого во взрослый клетчатый пиджак... Наше письмо даже в Москве по радио в программе «Ищу человека» сама Агния Барто на всю страну зачитывала! Но никто не откликнулся...

– Пиджак? – гости переглянулись.

Алма воскликнула:

– Да! Клетчатый! Я же сберегла его!

Она достала из кованого сундука и подала родителям Теодора – Мусульмана памятную вещь. Пожилой мужчина ахнул. Тёмными заскорузлыми пальцами он разглаживал твидовую ткань, ощупывал покладку, карманы, рассматривал пуговицы и шептал:

– Да-да! Это он самый... Мой свадебный пиджак! Ошибки быть не может! В наше село пришли военные и сказали, что скоро здесь начнутся бомбёжки и поэтому нужно взять с собой только самое необходимое – нас отправят в эвакуацию на два-три месяца. Мы, простые люди, поверили им! Потому что всю жизнь честно работали, жили своим трудом, ничего не нарушили, никого не обидели, намерений чёрных не имели. Вины за нами никакой не было! Нас привезли на станцию и стали собаками загонять всех в вагоны для скота. Как преступников! За что? Мы поняли – нас отправляют в ссылку! В поезде все говорили, что Казахстан – дикий край, верблюды, степь, юрты. Наша еда быстро закончилась. Было очень холодно. Люди стали болеть и умирать. Трупы лежали тут же, рядом, в вагоне, их убирали не каждый день. Туалета не было. Мы отгородили угол тряпкой, вонючая жижа текла по полу, замерзала длинными полосами. С каждым днём становилось всё холоднее. Сначала заболели дети, потом слегли и мы.

По прибытию нашу семью поселили в маленький домишко из двух комнат, на крыше которого рос бурьян. Семья хозяев с пятью детьми ютилась в одной комнате, мы с четырьмя – в другой... Всего не расскажешь! Но эта казахская семья, сама находясь на грани выживания, делилась с нами последним куском лепёшки, последним кусочком курта и спасла нас от неминуемой смерти!

– Но... как же вам удалось нас разыскать? – подал голос Арыстан.

Остальные дети Газиза и Алмы ещё пребывали в столбняке от всего увиденного и услышанного, они даже не догадывались, что Мусульман им не родной брат!

Оказалось, что буквально вчера родители Теодора совершенно случайно на свадьбе соседей оказались за одним столом с гостем из соседнего района.

Слово за слово, как это обычно бывает на празднике, разговорились. Пожилая немецкая пара поведала о своей незаживающей душевной ране: во время депортации на какой-то станции их пятилетний сынишка незаметно выбрался из вагона и отстал от поезда. Ломая ногти и сдирая с рук кожу, они пытались оторвать доски. Кричали, звали на помощь охранников. Но их никто не услышал. Ошеломлённый странным совпадением, гость рассказал им, что в семье начальника станции Аксу живёт парнишка, которого нашли на железнодорожных путях в начале войны. И волосы у него рыжего цвета!

В этот же вечер родители Теодора, отпросившись у коменданта, сели в поезд и через девять часов были у цели. Найти дом начальника станции не составило никакого труда.

Весь аул собрался у дома Газиза и Алматы. Гости тоже вышли во двор и ахнули: со стороны всё выглядело так, будто в ауле никогда не было голодных военных и послевоенных лет! Словно не только семья Газиза, но и каждый житель станции задолго готовился к этому удивительному празднику! Люди искренне радовались событию, пришедшему в дом Газиза и Алматы.

Разговоры за столом продолжались до самого утра. Сколько душевных слов за тем дастарханом было сказано, сколько горячих слёз пролито! Сколько сердечных объятий заключено! Родителей Теодора поразило, что их сын не только говорил по-казахски и играл на домбре, он пел казахские народные песни! Каким потрясающе вкусным был бешбармак, приготовленный по счастливому поводу! Каким невероятно ароматным был чай с молоком и баурсаками!

Аульчане смеялись, шутили, пели, танцевали, пили кумыс, вспоминали разные события, связанные с Теодором – Мусульманом. Каждый человек чувствовал себя причастным к доброй семейной истории, случившейся на станции Аксу. А ещё все осознавали принадлежность к высокому культурному пространству казахского народа, для которого ни чужих детей, ни чужой беды не бывает, и чувствовали себя гражданами великой советской державы, победившей фашизм! Никто не спешил расходиться по домам!

Утром гости засобирались в обратную дорогу.

– Это самый лучший день в нашей жизни! Мы бы с радостью остались ещё на денёк-другой! – тихо, чтоб никто не слышал, оправдывались перед хозяевами дома «новые родственники». – Но мы живём в спецпоселении. До сих пор под комендатурой ходим! Если завтра не выйдем на работу, нас могут привлечь за побег!

Газиз и Алма сочувствовали всем сердцем родителям Теодора – Мусульмана и клятвенно пообещали навестить их к Новому году. Неразлучные братья отправились в путь вместе с гостями. Через две недели парни вернулись домой.

Мусульману пришла повестка на службу в армию, а у Арыстана через несколько дней начинались занятия в военном училище в Москве. Газиз неожиданно получил повышение – его перевели на работу в областной центр. Поистине, счастье в одиночку не ходит! Столько важных событий и приятных хлопот свалилось на семью!

Духовой оркестр играл «Прощание славянки». На станции Аксу нарядные люди в обнимку стояли тесными группами – ждали приказа на построение призывников. Алма украдкой вытирала слезы, а Газиз по привычке хмурил брови и утешал жену:

– Не плачь, мать, война давно закончилась! Через три года вернётся наш сыночек живым и невредимым!

– А к кому он вернётся? К нам? Или... к тем родителям?

Газиз обнял жену и шепнул ей на ухо:

– Ты же знаешь поговорку: «Дом мужчины там, где его сердце!» Посмотри!..

Сквозь толпу пробирался Теодор – Мусульман, крепко держа за руку соседскую девчонку с длинными косами:

– Папа, мама, Роза – моя невеста! Она будет ждать меня из Армии!

Эпилог

Теодор – Мусульман после службы в Армии вернулся в Казахстан, женился на Розе, построил дом, вырастил детей.

Прошли годы. Немецкие родственники Теодора – Мусульмана уехали в Германию на постоянное место жительства, а он остался и завёл ферму по разведению породистых лошадей. Любимому делу отдавал всего себя без остатка. Когда он выезжал на пастбище с маленьким рыжим внуком на своём любимом вороном коне, то табун молодняка, издали почуяв хозяина, бешеным ветром нёсся ему навстречу и описывал вокруг танцующего Героя и ликующих всадников круги лошадиной преданности и верности.

Дед и внук громко смеялись, охваченные сумасшедшей энергией движения и неописуемого восторга жизни, переполнявшего их сердца и души. Жизнь продолжается...

От автора

«В годы Великой Отечественной войны в Казахстан было депортировано около 800 тысяч немцев, 102 тысячи поляков, 550 тысяч представителей народов Северного Кавказа, 18,5 тысяч корейских семей с Дальнего Востока. Их выгружали из вагонов прямо в голой степи. И казахские семьи, сами находившиеся в крайней нужде, принимали их в свои саманные дома» (из материалов XXII сессии Ассамблеи народа Казахстана, 2015 год).

Всё дальше от нас Великая Отечественная война. В живых остались лишь единицы от поколения, на чьи плечи лёг несоизмеримо тяжёлый груз испытаний военных и послевоенных лет. Но память не имеет срока давности! Мы помним, что делу Великой Победы над фашизмом служили боевые и трудовые подвиги советского народа и возвышающие душу поступки простых людей в глубоком тылу. Поступки, за которые государственных наград не вручали и в прессе о них не сообщали. И если заглянуть в их глубинную суть, то увидишь там и гуманизм, и интернационализм, и такие высокие человеческие качества, которые в суровые времена испытаний являлись главным стержнем, объединяющим великую многонациональную советскую страну, помогали не только выжить и выстоять, но и победить!

На казахской станции Аксу в годы Великой Отечественной войны была спасена одна маленькая жизнь – и спасён весь мир.

